

Стоя со спящим Гладиусом под левой рукой, Лиам смотрел на повреждения, нанесенные грозой. Делая осторожный шаг с камня вокруг люка на грязную землю.

Его ноги все еще немного болели от электрического тока, который прошел через них прошлой ночью. Но помимо этого незначительного неудобства, он не пострадал, то же самое относится и к Гладиусу.

Ночью также шел дождь, и этот факт одновременно приносил радость и гнев, в основном гнев. Дождь до сих пор был редкостью, об этом он мог судить по тому, что две недели назад дождь шел всего один раз, и это была обычная морось.

Здесь был ливень, но вода могла проходить через различные отверстия, которые уходили глубже. Таким образом, уровень воды никогда не превышал его лодыжки.

Но это все еще было опасно, и как только он заметил, что происходит, он воспользовался своим инвентарем, хотя у него под правой рукой была нейронная связь и Гладиус.

Взяв камешки, дерево и прочий мусор из своего инвентаря, он соорудил для них обоим безопасное место в виде кучи, которая возвышалась над водой. Он был достаточно наэлектризован для этой ночи.

Он не спал, как и его птенец, который спал только тогда, когда больше не было слышно грома, что случилось час назад, и просто чтобы убедиться, что гроза действительно прекратилась, Лиам подождал еще немного, пока не решился выйти. Он подсчитал, сколько времени они пробыли под землей, чтобы понять, что настал тот самый день.

И это возвращает нас к настоящему.

"Это... Не так плохо, как я ожидал. Могло быть намного хуже" - пробормотал Лиам, его голос, казалось, разбудил Гладиуса, заметив это, Лиам положил детеныша, который чирикнул и тут же начал исследовать окрестности, счастливо переваливаясь в грязи.

Лужи, грязь, ветки и изуродованные трупы летучих мышей были разбросаны повсюду от его базы до ее пределов. Это была, мягко говоря, ужасающая и апокалиптическая сцена.

Количество погибших летучих мышей, должно быть, легко исчисляется несколькими тысячами, большинство из их трупов были ужасными, некоторые до такой степени, что то, что осталось от их тел, было разбросано на несколько сотен метров.

Не то чтобы Лиам испытывал какую-то жалость к этим существам, которых, кстати, он страстно ненавидел, наоборот, его ненависть только усилилась еще больше, поскольку ему предстояло убирать их тела. Он также надеялся, что это повлияет на популяцию летучих мышей.

Вонь в воздухе была ужасающей, смесь землистой мутной воды с кровью и кишками, в то время как среди источника этих запахов были маленькие яркие зеленые точки.

Сажены сотен различных видов растений что старались вырасти снова, после катастрофы, это было поэтично в очень болезненном смысле. Природа во всей ее красоте.

Помимо этого. Стена из стволов деревьев, которую он построил, была выровнена в разных местах либо ветром, либо дождевой водой, либо и тем и другим. Ворота были повреждены, но в целом в хорошем состоянии, а его коптильня, где он запасался большей частью мяса, фруктов и овощей, практически исчезла вместе с тем, что в ней было.

По мере того как он продолжал ходить вокруг и более детально осматривать повреждения, его брови хмурились все больше и больше, его верстак был сломан, а бронзовая наковальня слегка оплавлена сбоку. Кузница тоже была не в лучшем виде, но ее в любом случае нужно было переделать, так что это не было потерей.

То что он раньше называл своей фермой теперь скорее было небольшим болотом, небольшое количество еще живых растений были перенесены в инвентарь, чтобы они не утонули в дальнейшем. Колодец сбоку от упомянутой фермы был в хорошем, если не превосходном состоянии, поскольку он строился с расчетом на большой нагрузки, но вот системе трубопроводов, подключенной к нему, повезло меньше.

Глиняные и керамические емкости были либо потрескавшимися, разбитыми, либо упали и из них высыпалось содержимое, в основном пищевые приправы. Только те, что побольше, с солью или другими более тяжелыми предметами, остались в хорошем состоянии.

Различные металлы, которые у него были, хранились в деревянных ящиках, такие как бронза, медь, олово, сталь, золото, железо и алюминий в порядке убывания количества, в основном были нетронутыми, некоторых слегка расплавились, но эта деталь была неважна.

Другие коробки, наполненные размоченным углем и коксом, нужно только высушить, возможно, еще раз подвергнуть сильному нагреву и только тогда использовать.

Большая часть его кожи исчезла или была слишком повреждена, чтобы ее можно было использовать, конструкции, изготовленные для их обработки, постигла та же участь, что и верстак. Тот же конец постиг и другие ресурсы животного происхождения, которые находились снаружи.

Оставшиеся когти Большого австрапеда были в его инвентаре, то же самое касается частей фабрикатора, его брони, инструментов и различного оружия, такого как его боевая коса-тесак.

Не было реального ограничения на размер того, что он мог положить в инвентарь, был только вес.

Но только дурак не стал бы постоянно носить с собой самый важный и необходимый предмет, имея такую возможность. И он не был в игре, потеря его вещей в случае его смерти была довольно низкой в списке приоритетов.

Возрождение было невозможно, за ним не было определенного Номо Deus, который оживлял бы его снова, снова и снова. Если он умрет, то это конец, ну, может быть, не совсем учитывая его ситуацию, но он не собирался проверять эту легкомысленную теорию самоубийства.

В общем, он не знал, смеяться ему или плакать. Большая часть работы, которую он проделал за время своего пребывания на этой Луне, была сметена, как ничто.

К сожалению, разочарование здесь было ненужным, бесполезным и контрпродуктивным. Он не был бесчувственным роботом, но эта маленькая неудача не собиралась останавливать его, отнюдь.

Хуже всего было то, что он думал о возможности внезапного стихийного бедствия, постучавшегося в его дверь.

Но единственная подготовка, которую он мог сделать, - это забрать то, что было для него важным и хрупким, и иметь безопасное место, укрытие, и это также одна из причин, по которой он вырыл яму, ведущую к внешней стороне стены.

Сейчас... Подойдя к дереву, Лиам рассмотрел его более детально. Оно было живым, оно, конечно, было повреждено, но только некоторые ветви, большая часть листьев и цветов исчезли, но распускающиеся листья были видны по всей его кроне даже отсюда, снизу.

Кроме того, ветка, на которой был его дом на дереве, просто исчезла. Вероятно эта ветка сейчас была в нескольких километрах отсюда, да и он все равно почти не спал в нем, так как Гладиуса нельзя было взять туда. Однако это не означало, что он был рад этому открытию.

«Черт возьми, в дерево ударила молния как минимум семь раз... Как, черт возьми, оно все еще стоит» - подумал он, полностью озадаченный и шокированный этим, он знал, как выглядело дерево, однажды пораженное молнией на Земле, ключевые слова — однажды и Земле.

Это навело на тревожную мысль: дерево, особенно вид, частью которого было это дерево, приспособилось к этой среде и было единственным высоким деревом на великой равнине, насколько он мог видеть.

"Мне нужно будет переехать... Но не сейчас" - сказал Лиам, глубоко нахмурившись, думая о том, как будет головной болью все переносить, "Сначала... Мне нужно, чтобы Гладиус вырос, чтобы на нем можно было перемещаться, а также найти приемлемую площадь"